

ОТВЕТ ИНЖЕНЕРА ЗАБЕЛИНА

Хорошо на «Бремлевских гулятах» в Художественном театре! В этот вечер мы потрясены радостью встречи с Лениным, который, как живой, вышел к нам в проникновенном, талантливом исполнении Б. Смирнова. Мудрый и такой близкий, человечный, Владимир Ильич окружен на сцене людьми, преображенными силой ленинской мысли, озаренными светом ленинской мечты. Превосходно играет Б. Петкер старого часовщика — вот счастливое сочетание психологической глубины и технического совершенства в искусстве актера. Очень радует, что для молодых артистов М. Анастасьевой и Л. Золотухина спектакли, прошедшие со дня премьеры, были дорогой в гору: Мама и Рыбаков стали сильнее, интереснее, хотя Золотухину предстоит еще, как мне кажется, укрупнить своего героя, открыть в нем черты большой личности. Хороши своей достоверностью, самобытностью Анна — А. Зуева, Чуднов — Д. Шутов, Казанок — М. Медведев.

А на самой вершине этого примечательного спектакля рядом с Б. Смирновым в роли Ленина стоит образ инженера Забелина, созданный Б. Ливановым. Когда вспоминаешь эту фигуру, кажется, будто артист стал скульптором — настолько точно, монументально изваял он своего героя. Но весь его облик одухотворен, в нем бьется горячая кровь жизни, напряженно работает мысль.

Первое появление Забелина у Иверских ворот поражает резким контрастом: так чужероден этот огромный, красивый человек в шумной, разноликой толпе прохожих, спекулянтов, беспризорников. Правда, он тоже торгует — на груди у него лоток. Он даже, подражая торгующим, густым басом афиширует свой товар: «Довоенные, серные, безопасные спички фабрики Лапшина...».

Б. Ливанов вовсе не спешит вынести приговор герою, выказать свое, художника, отношение к нему. Он ведет эту сцену сдержанно, даже скуп, но мы ясно ощущаем, что торговля спичками в строгом, элегантном пальто и инженерской фуражке — это для Забелина упрямый бунт, вызов, фронда: он не понял исторического смысла Великой революции, обиделся, встал в позу выброшенного за борт человека. И когда мы видим разительное несоответствие между гордой осанкой инженера и его ничтожным занятием, между торжественными тирадами и жалким спекулянтом, к которому они обращены, зрительный зал неожиданно смеется — этот смех развенчивает «бунт» Забелина куда сильнее, нежели самые острые разоблачительные сценические приемы.

Улыбку, а то и смех вызывает упорное, порой ребяческое, упрямство Забелина, так не идущее к его облику намерение дать по

шее попу-спекулянту. — словом, артист хорошо почувствовал тот заряд юмора, который есть в пьесе Н. Погодина. Почувствовал он и другое: мы ясно видим, что этот упрямый, резкий, демонстративно-старомодный инженер — крупный и сильный человек и что на душе у него большая тяжесть.

Здесь, думается, основание победы артиста. Оттого, что могуч и самобытен Забелин, русский ученый, творец, накрепко связанный со своим народом, его заблуждения и фронда приобретают трагическую окраску. Нам открывается большая, трудная судьба большого человека на крутом историческом повороте. Ливанов несколько не облегчает заблуждений своего героя. Напротив, в поединке с Рыбаковым он показывает Забелина убежденным противником новой жизни: он обрушивает на своего оппонента резкие сарказмы, жалит егороническими суждениями, а в конце сцены, покурный судьбе, но сохраняющий горлоедостоинство, идет якобы под арест... Пришел же он неожиданно для себя к Ленину... Ливанов очень точно передает самочувствие своего героя. Это все тот же гордец и фрондер, делающий вид, что он даже не удивлен, оказавшись в кремлевском кабинете. Но слова Ленина, такие простые, человечные, а порой гневные, язвительные, метко направлены в самые уязвимые места оборонительной позиции Забелина — под их влиянием он словно никуда, голова уходит в плечи, он растерян, смущен, сердится на себя за это и потому смущается еще больше. Инженер удивлен, он не понимает, что происходит: с ним говорят о деле, его любимом деле, повидимому, что-то предлагают. Его высмеивают за спички, за то, что он, русский ученый, принял на себя «мученический венец»...

Трудно Забелину, ох, как трудно! Но он пытается удержаться на своей неколебимой позиции. Еще недавно, в разговоре с матросом Рыбаковым, инженер буйствовал, издевался, спрашивая, в каком году будет построен социализм. Теперь не то. Угрюмо, со сдержанным вызовом звучат его слова:

— В России предположено построить социализм. А я в социализм не верю.

— А я верю! Это ленинское беспредельно искреннее восклицание сразило Забелина, выбило почву из-под ног. Кажется, что в сознании его переменялось все: и грандиозные планы электрификации, и эти, — будь они прокляты! — спички, и ощущение чего-то совсем нового, что входит, уже вошло в его жизнь.

Глубоко, виртуозно играет Ливанов эту труднейшую сцену. Он почти неподвижен, скуп на мимику, но в глазах, над которы-

ми нависли мохнатые брови, в интонациях и, пожалуй, сильней всего в паузах открываются нам смена чувств и мыслей, грандиозный переворот, который пережил сильный, большой человек... Чудесным, заключающим эту музыку души аккордом оказался эпизод с узелком, — кажется, весь гнев, обращенный к самому себе и к той жизни, которую избрал Забелин, выражен в его словах: «Все решили, что меня берут в Чека... И вот жена сунула чертов узелок». Ливанов произносит это так темпераментно, он с таким ожесточением бьет обеими руками злополучный узелок, что мы весело смеемся — этот большой, похожий на льва человек напоминает вдруг ребенка...

А затем следует, быть может, самая сильная сцена спектакля. Насмерть перепуганные гости Забелиных в темноте играют в лото, комически звучит «тринадцать, шестьдесят один, восемьдесят один», произнесенные срывающимися от страха голосом. Вдруг кто-то идет. «Защитите свет!» — и посреди комнаты стоит огромный Забелин. Ливанов говорит какие-то слова, отвечает непонял, но за всем этим видна напряженная мысль потрясенного человека.

Великолепен момент, когда Забелин остается наедине с дочерью. Здесь артист выпустил на волю весь свой могучий темперамент, поднялся до подлинно трагических высот. И когда он настойчиво вынытывает у Маши, возможны ли в одном колесе он, Забелин, и матрос, когда слеза скатилась по его щеке, мы ясно почувствовали, что инженер понял ленинскую правду, окрылился великой мечтой, что он снова со своим народом. А вслед за огромными чувствами — озорные, полные народного юмора слова: «Машка, а Россию то... самоварную попадешь паровую... Россию они хотят побок? Каково!». И снова пауза, работа мысли, и задумчиво: «Я сейчас видел теньяльного человека».

Давно, очень давно не приходилось испытывать такого потрясения в театре, какое пережили мы в этих двух сценах. Ливанов поднялся здесь на самую высокую вершину искусства, откуда жизнь человеческого духа видна во всей своей необозримости и красоте.

Потом мы видим Забелина уже за работой: он и здесь хорош, он остался самим собой, таким же сильным, неровным, резким. Но центр спектакля — его встреча с Лениным и разговор с Машей. Здесь мы увидели, как влияние великой идеи Ленина произвело духовный переворот в человеке, и нам стал ясен ответ инженера Забелина вождю. Вместе с народом Забелин начал строить социализм.

А. АНАСТАСЬЕВ.